

Маруся. Попасть — не напасть

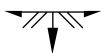
Маруся. Провинциальные игры

КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

ГАЛИНА
ГОНЦАРОВА

←⊕→ МАРУСЯ ⊕→

ПОПАСТЬ — НЕ НАПАСТЬ

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Разработка серийного оформления *О. Закис*

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Гончарова, Галина Дмитриевна.

Г65 Маруся. Попасть — не напасть / Галина Гончарова. — Москва : Эксмо, 2020. — 416 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-105444-1

Столкновение с пьяной компанией — и смерть? Или новая жизнь в новом теле? Никто и не догадывается, что в теле княжны Марии Горской поселилась женщина двадцать первого века. И афишировать свое присутствие Маруся не собирается. Равно как и двигать прогресс, поражать всех своими успехами в магии или совершать научно-техническую революцию. Нет уж! У нее свои цели и задачи. Выжить. Завести семью. Свое дело. Но разве удастся эта программа, если кто-то хочет ее убить? Конечно, удастся! Марусю не ждут великие дела, она просто живет как умеет. И собирается быть счастливой назло всем врагам. Получится ли? Посмотрим.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105444-1

© Гончарова Г. Д., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Глава 1

ВЖИВАНИЕ? ВЫЖИВАНИЕ?

Жутко болит голова, не давая сосредоточиться.

Что со мной?

Где я?

Так, Маруся, соберись, а то потом не соберут... Что ты помнишь?

Что я помню?

Работу я помню. С которой и шла около девяти вечера. Почему так поздно? А слово «сверхурочные» вам ни о чем не говорит? Мне вот говорит. Как пелось: «Сверхурочные украдкой твой карман слегка ласкают...» Не так? А все равно приятно. Работаю я в проектном бюро, и обратились к нам недавно заказчики от районной администрации.

То есть сначала эти долбидятлы обратились не к нам. Им продали проект.

Знаете, что такое использование проектной документации? Стоит школа в Барнауле или, там, на Чукотке. Берется ее проект и продается, типа, стройте такую же у себя. А потом проводится адаптация.

Какой дятел им этот проект делал — не знаю. Точно знаю, что надо бы вырвать ему ноги из того места, коим думал онный птиц. Разные климатические условия, разные дома, разные...

Вот, к примеру. Есть у меня знакомый проектировщик, работал в Казахстане, Алма-Ате, потом приехал к нам, в Иркутск. Построил себе дом. Три веранды, одна на втором этаже, две — на первом... Уже через месяц до товарища дошло, что он был решительно неправ. В Казахстане-то теп-

ло. И зимой там сколько? До минус тринадцати. ДО! А не после.

А в Иркутске?

До минус сорока. И поверьте, это даже не предел. А еще снег... Короче, полгода он тратит на то, чтобы обогреть два балкона и сколоть снег и лед с третьего, который сделан в виде террасы на втором этаже. Загорать там замечательно, да только не получается почему-то. Не тот климатический пояс!

Суть ясна?

Вот этим умникам проект адаптировали. Да так, что ни одна инстанция его не пропустила. Администрация, мол, вы или кто... Вы понимаете, что ЭТО непригодно? В принципе!

А деньги упрочены, а деньги федеральные, а своровано то под это дело уже столько, что поневоле работать приходится... Ну и решили отщипнуть нам толику от сворованного.

Я возражать не стала. Посижу с бумагами, не переломлюсь. Деньги мне нужны.

Зачем? А племянникам.

Да, так получилось. Девчонки, мотайте на ус, а нет усов — мотайте на нос! Когда вы молодые и умные — не надо! Вот не надо верить тому, что вам говорят женатые мужчины. И любить их до безумия не надо, и жить с ними по десять-пятнадцать лет любовницами ни к чему, и аборт от них делать не стоит. Что б вам там ни пели соловьи. А то окажетесь в сорок лет одинокими, бездетными и нужными только племянникам. Брат и сестры (нас в семье четверо) мне уже семь племянников нарожали, и думаю, это не предел. А мне рожать и не светит...

Дура была? Вот кто умный, те моих глупостей и не повторяйте.

Топаю, значит, я вчера до дому, до хаты, а во дворе моем компания пиво пьет... А потом и не помню.

Та-ак... А подумать?

А если подумать, треснули меня сзади по башке, вот и результат.

Ладно. Жива, здорова, а денег в сумке все равно было рублей двести, что ли? На проезд хватит, ну, на бутылку кефира. И все. Пусть подавятся.

И сережки жалко... Они у меня были хорошие, с изумрудами... Уши хоть не порвали?

Попробую открыть глаза.

Хм...

Палата, да. Больничная, но какая-то странная. Вот как у нас выглядят больницы, все знают? Кто не знает — завидую... Кафель, краска, жуткий запах, аура страдания и боли.

А здесь...

Это, безусловно, палата. Но какая-то странная. Где вы видели в наших палатах мебель из натурального дерева? Явно дорогую и качественную?

Капельницы нет, телевизора нет, радио нет, выключателя нет... А почему светло?

Ага, вот и шарик на потолке. Типа, люстра. Выглядит как присосавшийся к потолку клоп о четырех лапах... Ладно, фиг с ним, с дизайном. Может, платная палата?

А кто за меня платит будет?

В семье я самая богатая, как это ни забавно. Квартира, гараж, дача, побрякушки... Родственники зарабатывают намного меньше.

Ладно.

Так что у меня с ушами-то?

Касаюсь одного уха, второго... Мать вашу! А почему они не проколоты?

Взгляд случайно падает на руки.

МАТЬ ВАШУ!!!

Это — НЕ МОИ руки!

Свои я хорошо знаю, крестьянки мы, не графини. Рука широкая, ладонь такая... Для лопаты приспособленная. Ногти короткие, на мизинце — шрам от ожога.

А эта рука не моя!

Пальцы длинные, ногти длинные, ладонь узкая... И она явно моложе.

Мозг отключается.

Плавню ухожу в глубокий обморок.

* * *

Когда я пришла в себя второй раз, в палате суетилась тетка лет сорока.

Полненькая, даже на вид уютная, с какой-то нашлепкой на полуседых волосах, одета в желтое, на груди нашита белая лилия.

Чем-то я себя выдала, потому что она повернулась и посмотрела на меня.

— Княжна, вы очнулись?

Кто я?..

Медленно опустила веки.

Хоть княжна, хоть черт с рогами... Что бы тут ни происходило, первое правило умной женщины — молчать. Второе — слушать. Советую следовать им в любых обстоятельствах, и вы приобретете репутацию гениальной и загадочной дамы.

— Водички хотите?

Хочу ли я воды?

ДА!!!

Сиделка поняла все без слов, подошла, ловко приподняла мою голову, поднесла к губам поильник вроде заварочного чайника.

Я не пила. Я впитывала воду всей поверхностью тела. Выдохнула...

— Благодарю.

Мне знаком этот язык.

Это не современный русский, но я понимаю. Я воспринимаю его родным и спокойно говорю на нем. И вот это — «благодарю»... Когда его в нашем языке заменило спасибо? Да в начале прошлого века, пришло с коммунистами, да так и осталось. Может, как альтернатива безбожию?

Черт его знает. У меня в семье вообще до сих пор говорят «дякую». Откуда пошло?

Но сейчас я сказала «благодарю». Спокойным и вежливым тоном, словно так и надо.

— Где я?

— В госпитале святой Елизаветы Мученицы.

Я медленно прикрыла глаза.

— Давно я здесь?

— Как шестого дня привезли вас, княжна, так и лежите без памяти...

— Что говорят?

И, кстати, кто говорит? Врачи? Доктора? Кто тут вообще?

— Вас сам доктор Иванихин смотрел. Сказал, сильное магическое истощение, но ничего страшного, вы оправитесь и жить будете.

— Сильное магическое истощение?

Что это за диагноз такой? Откуда дровишки... Здесь есть магия?

Я открыла глаза. Сиделка явно мнетса и жметса...

— Я... Да...

— Не юли. Что доктор сказал?

— Что у вас могут быть проблемы впоследствии. С маноканалами.

Ничего не поняла, но посмотрела так, словно все правильно.

— Оставь меня пока. Иди...

Сиделка вылетела за дверь ракетой, а я впала в задумчивость.

Итак, здесь есть магия — это первое.

Я — маг или обладала силой, это второе.

Я — княжна. Это явно не от сохи девочка. Третье.

У меня проблемы с маноканалами — четвертое.

Теперь еще объясните мне, что все это значит, вообще будет замечательно. А то я ни фига не понимаю.

* * *

Скоро дверь открылась, и зашел симпатичный молодой мужчина лет сорока — сорока пяти.

— Доброе утро, ваша светлость.

— Доброе утро?... — чуть-чуть выделила в конце интонацию. Мы знакомы? Нет, вряд ли.

— Доктор Иванихин, Андрей Петрович, к вашим услугам, княжна.

— Простите, я себя не слишком хорошо чувствую, — решила я взять коня за рога.

— Да, ваша светлость, вы тут уже шестой день. Вас привезли с серьезными травмами, магическим шоком, едва удалось вас вытащить.

И взгляд такой... Вопросительный.

Друг мой, если вы думаете, что я сейчас начну исповедоваться... Да я бы и рада, но ни фи́га не помню. Вот беда-то...

Вот объясните мне, как вживаются другие попаданцы? Кто-то себе память реципиента прихватывает, кто-то сам по жизни умный, у кого-то травма... Я даже про амнезию вякнуть пока не могу.

Мало ли что?

Это у нас могло бы прокатить, а тут? Есть ли здесь вообще амнезия? И как они от нее лечат? Феназепамом в попу? Электрошоком и ледяными ваннами?

Спасибо, кушайте такое сами. Два раза.

— Верю, что вы сделали все возможное. И благодарю вас за спасение моей жизни.

— Давайте-ка, княжна, я кое-что еще проверю...

Проверка получилась странной.

Надо мной водили сначала руками, потом каким-то кругляшом, словно выточенным из кусочка янтаря, диаметром сантиметра два, потом ладони задержались над солнечным сплетением.

Меня бросило в жар, потом в озноб, доктор медленно кивнул.

— Средоточие цело. Но каналы практически разрушены.

Утешил, благодетель.

Закрыла глаза и сделала вид, что безумно устала, вот щас помру от изнеможения. Это действует.

Доктор кивнул своим мыслям и свалил, а его место заняла сиделка.

Я отвернулась к стене и провалилась в сон.

Попаданчество там, западенчество, а силы восстанавливать надо. Точка.

* * *

Хорошо бы сказать, что на следующий день мне стало намного лучше и я бодрым кенгуру скакала по палате.

Нет.

Ноги ватные, руки похожи на макароны, а чтобы попить, требуется столько усилий... В итоге все, что я выпиваю, уходит в пот. Зато меня посещают родственники.

И КАК это обставлено! Таки если б вы видели!

Дверь палаты распахивается. И внутрь проходит сначала мой лечащий врач, спиной вперед. Я как раз не сплю и ради разнообразия не в обмороке, меня только что обтерли мокрым полотенцем и даже причесали, а теперь я жду обеда.

Куриный бульон с сухариками. Вкусный, кстати. Но мутить начинает уже после третьей ложки.

— Вот, ваша светлость.

Светлость...

Не то чтобы мне эти титулы были интересны, но так, мне кажется, называли князей? Или герцогов? Или еще кого?

Нет, не помню.

Все равно не простых свиней свинья.

Кабан.

Именно это слово всплыло в голове при виде мужчины. Высокий, осанистый и матерущий... Другого слова не подберешь. Знаете, бывают такие могучие мужики, которым саблю да коня, а еще можно соху и лошадь. И он спокойно телегу на плечи поднимет.

А вот с возрастом эта мышечная масса начинает замещаться творожной. Кто другой не заметил бы, но мне-то уже за сорок. Я эти вещи вижу. Опыт не пропьешь, только балалайку.

А в остальном — хорош, зараза.

Седые волосы уложены рукой парикмахера, кажется, еще и напوماжены, породистое лицо с тонкими чертами отмечено печатью неизбывной брезгливости, губы поджаты, серые глаза смотрят с прищуром. Определенно, этот мир нуждается в его одобрении. Или хотя бы поощрении.

Костюм стоит столько, что если его продать, можно три дня всю Африку кормить, включая обезьян, ботинки отражают солнце даже в его отсутствие, а трость в руке...

Ежь твою рожь!

Никогда!

Вот не считая калек, никогда не видела мужчину с тростью. И у него этот аксессуар смотрится более чем органично.

Интересно, а шпага в ней есть? Или свинец?

Я пригляделась.

Нет, это ты, Маруся, дамских романов начиталась. Там с клинками в тростях бегают все кому не лень. А этот мужик другого класса. Он своих врагов закапывает на полях финансовых сражений, не давая им шанса применить физическое воздействие.

— Говорите, разрушение каналов?

— Да, ваша светлость. Но мы вовремя начали лечение, и ваша дочь вполне может выздороветь и восстановиться.

— Хорошо. Оставьте нас.

От врача последовал угодливый поклон, и дверь закрылась. Интересно, будет ли он подслушивать?

Вряд ли.

Зачем ему чужие секреты, ему работа нужна, и чтобы деньги заплатили. Я улыбнулась краешком губ, и по какой-то причине это привело к взрыву возмущения моего... Отца?

Таки да.

«Отца-ца-ца-ца...» — детская песенка печально заиграла в моей голове.

— Ты довольна своим поступком?

Ледяной тон, ледяные глаза, да и вопрос... Как говорится, каждый вопрос содержит в себе кусочек ответа.

— Нет.

Левая бровь аристократа поднялась. Ждет продолжения? Ну-ну. Вот так я и продолжу, не зная, о чем говорить. Может, я маникюром недовольна? Уточнять не будем.

Не дождавшись, аристократ форсировал события сам:

— Я тоже тобой недоволен. Своей глупостью ты расстроила помолвку, вызвала скандал, и мне стоило немалых

усилий замять все. К счастью, Сергей Владимирович согласился с тем, что ты просто совершила глупость. Помолвка состоится, как только тебя выпишут из больницы. И если ты еще раз попробуешь что-то выкинуть — отправишься сюда же. Только в синий корпус.

Я молчала.

Правила общения с заказчиками гласят:

1. *Думай, прежде чем ляпнуть.*
2. *Анализируй, что тебе сказали.*
3. *Не давай прямых обещаний.*

Шеф это столько в нас вколачивал, что сейчас я автоматически опустила веки, изображая усталость. Я бе-е-е-ед-ная овечка.

Мозг в это время бешено работал.

Первое.

Меня тут хотели замуж выдать. Не меня, а княжну. Интересно, чем же так хорош этот Сергей Владимирович, что девчонка себя угробила?

Не иначе, средоточие всех видимых и невидимых достоинств. Хотя... Мне-то чего судить, я этого человека в глаза не видела. Но княжна явно считала по-своему. Это следует из слов ее отца. Надо полагать, что перед приемом по случаю помолвки или перед обменом клятвами — как там все это у них выглядит, не знаю, — она что-то выкинула.

В результате разрушены маноканалы, сильно пострадало маноядро, и врач не гарантирует, что вернет ей магию.

Мне-то и пофиг. Жила сорок с хвостиком лет без магии и еще восемьдесят проживу. Если не буду по ночам таскаться где не стоило.

И помолвка была выгодна ее отцу. Это сто процентов. Иначе не бесился бы так.

Я открыла глаза.

Меня сверлил злой взгляд.

Интересно, а что такое синий корпус? Хотя... По контексту можно догадаться.

— Передайте Сергею Владимировичу мои извинения за случившееся. И сообщите, что я была бы рада видеть его и лично заверить, что происшедшее было только... Э-э-э-э...

«Выканье» легко слетело с моего языка. Видимо, так девчонка к папе-князю и обращалась?

— Чем ЭТО было?

— Досадной случайностью, которой никто не ожидал, и менее всего я, — выкрутилась я. И пойдите скажите, где я соврала?

Серые глаза потеплели. Так. Чуть-чуть. Был декабрьский мороз, стал ноябрьский понос.

А не расслабляйся, Маруся, не расслабляйся.

— Приятно видеть такое здравомыслие. Или это очередная уловка?

Ага, уловка.

Рыбалка, ёжь твою рожь!

— Я передам ему твои слова. Не думаю, что он найдет для тебя время, но тем лучше. Ты отвратительно выглядишь.

Спасибо вам на добром слове, папенька.

Я опять опустила ресницы. А что тут скажешь? «Спасибо, я знаю?», «Извини, не знаю, как я выгляжу?». Эх, прав был шеф. Молчание не золото! Молчание — наше спасение.

Моему отцу быстро надоела эта пантомима «уставшая овца». Он кивнул своим мыслям.

— Домой тебя пока забирать нельзя. Ты здесь еще дней на десять, если выздоровление пойдет хорошо. Я надеюсь на твое благоразумие.

Я открыла глаза и медленно, согласно прикрыла их вновь.

Не беспокойтесь, папаша, благоразумие меня никогда не подводило. Вот гормоны — да, а мозгов у меня всегда хватало.

На том мы и расстались.

Ни «до свидания, детка, я тебя еще навешу», ни яблочек.. Что-то мне подсказывало, что девчонку пожалеть можно. Не от хорошей жизни она самоубилась.

Эх, Маруся, что-то мы попали.

Эх, Маруся, нам ли быть в печали...

Кто тут Маруся?

Я это, я.

* * *

Товарищи родители, думайте, когда детей называете.

Головами думайте. А не самомнением.

И когда извращаетесь с именами типа Марисобель или Семирамида, думайте, в какой среде будут жить ваши дети.

К примеру, мою знакомую Семирамиду так и звали симкартой или семечкой, Изабеллу — виноградиной, а Майю пожизненно переименовали в майку. Нестиранную.

Не нравится? А мне как не нравилось...

Знаете, кто такая Марика Рекк? Была такая киноактриса, знаменитая, красивая, никто не спорит — шикарная женщина. Мария Каролина, если что.

Моя мать от нее фанатела. Но назвать ребенка просто Мария? Не-эт! Мы пойдем другим путем! И Каролиной (хоть на этом спасибо!) не назвали! Обозвали Марикой.

Не Мариной, не Марией, а Марикой.

В школе меня попытались обозвать почтовой маркой. Так, для начала. Потом еще измывались, пока не получили по носам и не отвязались. Но и так, без школы, было весело.

— *Вас как зовут?*

— *Марика.*

— *Марина?*

— *Нет, по буквам: Машиа — Аня — Рауса — Инна — Карина — Анна.*

И так постоянно.

А мама довольна, не ее же дразнят и не ее склоняют! Одним словом — тьфу!

Наконец мне это так надоело, что я всем стала представляться как Марина. Разве что имя в паспорте не поменяла. А родственники вообще до Маруси сократили. Ну и пусть.

Дверь открылась, и опять появилась сиделка.

— *Ваша светлость, обед.*